Леонтьева Эльвира Октавьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: mark@mail.27.ru

Стереотипы восприятия коррупции в массовом сознании россиян

В статье рассматриваются три основных стереотипа восприятия коррупции россиянами, выявленные по данным социологических опросов: стереотип неприятия коррупции, стереотип терпимости к коррупции и стереотип неискоренимости коррупции. Показывается, что противоречие между первыми двумя отражает те сложности, с которыми сталкиваются исследователи этой темы в процессе моделирования и определения коррупции. Предлагается подход к пониманию коррупции как к продолжению неформальных отношений на рыночной основе.

Ключевые слова: коррупция, стереотипы, восприятие коррупции, неформальные отношения.

Исследования в области коррупции и неформальной экономики в последнее время становятся всё более и более популярными. Почти все из них исходят из базовых определений коррупции, под которой понимаются и «использование государственной власти в личных целях» [8, с. 4], и «предоставление услуг служащими в обмен на взятку» [9, с. 45]. Даже такие стандартные определения показывают, что достаточно трудно, во-первых, зафиксировать в определении полный спектр разных проявлений коррупции, а во-вторых, провести чёткие границы между коррупционным и некоррупционным поведением. Эти границы зависят от решения других проблем, скрытых в определениях, например, что именно следует считать взяткой, где норма неформальности, за которой начинается злоупотребление служебным положением и т. д.

Исследователи не раз отмечали множество сложностей в изучении этой темы. Как показывают дискуссии правоведов, в области квалификации правонарушений, связанных с такого рода деяниями, далеко не всё однозначно. Так, наряду с понятием «коррупция», однозначно определяемом как преступное и уголовно наказуемое деяние, существуют и другие термины: «коррупционное поведение», «коррупционные действия», связываемые с правонарушениями и регулируемые сферой административной ответственности. И поскольку в реальной жизни «очень тонкая грань отделяет непреступные коррупционные правонарушения от преступлений» [3, с. 23], различия между этими сферами становятся всё более и более условными.

Любопытным образом эта исследовательская трудность отражается и в представлениях о коррупции обычных граждан. Предметом интереса нашей работы является исследование того, как воспринимает население России разные коррупционные практики. Анализируя данные социологических опросов, мы выявили, что отношение населения к коррупции колеблется между 2-мя

стереотипами: от полного одобрения до полного неприятия. Так, повсеместно распространённые практики благодарностей, обмен дарами и услугами в сфере распределения официальных благ, продвижения по службе родственников и друзей др. не относят к сфере правонарушений: эти действия вызывают, если не поддержку, то почти всегда понимание [5, с. 3]. Другая ситуация складывается по отношению к собственно коррупции. Как отмечает В. Танци, «обсуждение темы коррупции неизменно осложняется тем, что она не поддаётся точному описанию и измерению. Но, как и в пословице о слонах, коррупцию может быть и трудно определить или измерить, но мы всегда её распознаём, если сталкиваемся с ней» [8, с. 4]. Такую «очевидную» коррупцию, которую безошибочно узнают те, кто сталкивается с ней, россияне оценивают, безусловно, негативно. Практически все массовые опросы последних лет [см. например, 2, 5, 6 а также мониторинговые исследования по коррупции, проводимые фондом ИНДЕМ в материалах и отчётах фонда, размещённых на сайте http://www. indem.ru] показывают, что население считает коррупцию опасным и противоправным явлением. Получается, что в массовом сознании поддерживаются и оправдываются одни аспекты служебных нарушений и, вместе с тем, осуждаются и отвергаются другие. В этой небольшой работе такая ситуация анализируется как противоречие. Здесь мы попытаемся представить возможные объяснения, обозначить последствия сложившейся ситуации и, наконец, предложить такое понимание коррупции, в котором указанное противоречие могло бы быть снято.

Стереотип 1: «россияне негативно относятся к коррупции» – находит своё подтверждение практически во всех массовых опросах, посвящённых изучению отношения населения к коррупции. Такие исследования, кроме уже упоминаемого фонда «ИНДЕМ», проводят многие организации, в том числе и на региональных уровнях. Рассмотрим данные лишь некоторых из них. В 2007 г. Институт политических и медиаметрических исследований проводил опрос жителей г. Ростова-на-Дону, из которого выяснилось, что отрицательно и резко отрицательно относятся к коррупции 71,9% респондентов. Ещё 23,8% сохраняют нейтральное отношение к ней, а положительно отзываются о коррупции менее 5% опрошенных [6]. Другое региональное исследование, проводившееся в Хабаровском крае осенью 2005 г., показывает, что «значительная часть населения – 64,7% считает, что коррупция не может быть оправдана ни при каких условиях» [5]. Несмотря на значительное количество лиц, лояльно настроенных по отношению к коррупции, можно сказать, что 70% – это весомый аргумент для того, чтобы считать неприятие коррупции за стереотип. Некоторые исследования по психологии коррупционного поведения связывают такое осуждение с трансляцией социально желательного ответа, однако имеет место и чисто рациональное объяснение такому отношению, которое мы приведём ниже.

Стереотип 2: россияне оправдывают и поддерживают коррупцию в виде «лёгких» служебных нарушений, допуская дружеское участие в решении служебных проблем, блат, благодарности, протекционизм и пр. Это происходит оттого, что в массовом сознании *эти практики не воспринимаются*

как коррупционные. Напротив, решение проблем через использование личных отношений настолько прочно вошло в жизнь россиян, что сами полезные связи и наличие влиятельных знакомых заняли своё прочное место в иерархии ценностей. Ещё в 1997 г. группа исследователей под руководством А. Г. Эфендиева изучала московских студентов [10, с. 52]. Выяснилось, что 57,6% студентов основным фактором, определяющими жизненный успех, считают наличие полезных связей и содействия влиятельных лиц. Из этого можно сделать вывод о том, что связи и полезные контакты не только не ассоциируются с коррупцией, но, напротив, возводятся в ранг ценностных установок.

Терпимое отношение населения к «неденежным» видам коррупции подтверждают и эмпирические исследования. «Население понимает под коррупцией, прежде всего, нелегальные денежные операции (например, взяточничество, мошенничество, казнокрадство) с участием представителей органов власти, и, в меньшей мере, операции, которые не включают деньги (такие, например, как блат, протекционизм, кумовство, подношения, подарки, превышение полномочий, злоупотребление общественной собственностью)» [5, с. 5, 40].

Социальные исследователи, в большинстве своём, не согласились бы с такой установкой населения, несмотря на то, что в юридических и в экономических науках не прекращаются дискуссии о той условной границе, которая бы позволяла отличить коррупцию от не-коррупции. Об этой трудности в исследовании коррупции мы уже упоминали. Так, с точки зрения правоведов, такой границей должен быть материальный эквивалент, зависящий от минимального размера оплаты труда, превышение которого превращало бы деяние в преступление. Социологи и экономисты определяют критерии более гибко, предлагая учитывать не только размер суммы, но кратко- и долгосрочные перспективы сделки и характер связей, по которым она осуществляется (сильные/слабые) и другие факторы. Тем не менее, абсолютное большинство исследователей склонны относить к коррупции весь комплекс обозначенных злоупотреблений и считать их разновидностями её проявления. В таких отношениях, вероятно, коррупционную составляющую можно было представить в виде шкалы, фиксирующей степень проявления коррупционности в том или ином виде взаимодействий.

Особенно эта тенденция характерна для зарубежных исследователей. Например, при изучении коррупции в образовании, французские учёные J. Hallok и M. Poisson относят к ней, помимо естественного и традиционного взяточничества, такие формы «профессиональных отклонений» (professional misconduct), как дискриминацию по этническому, политическому или социальному признакам, сексуальное домогательство, частное репетиторство, использование студенческого труда [11, с. 63]. Сомнительно, чтобы большинство из этих на самом деле не очень достойных деяний в массовом сознании россиян связывалось бы с коррупцией. Тем не менее, для исследователей эта позиция имеет свои основания и встречается весьма часто,

поэтому исследования фаворитизма, протекционизма, непотизма, лоббизма и пр. часто проводятся в общем контексте исследований коррупции.

Стереотип о неприятии коррупции, таким образом, успешно уживается со «стереотипом терпимости», который способствует её популяризации, а «высокая степень публичного осуждения коррупции на деле не подкрепляется личной мотивацией» [5, с. 42]. Такое положение приводит к равновесию, которое, по нашему мнению, нашло выражение в третьем стереотипе «неискоренимости коррупции». Этот стереотип подтверждается данными о пессимистическом настроении населения в отношении возможности решения проблемы. «На вопрос о возможности победить коррупцию в Ростовской области ответ практически всегда был однозначен – 78,7% респондентов не верят в то, что коррупция на Дону будет когда-либо побеждена» [6, с. 10].

Можно предположить, что противоречие между первыми двумя стереотипами является своеобразным основанием третьего: коррупция неуничтожима, потому что, несмотря на видимое её неприятие большинство граждан склонны понимать и оправдывать её как необходимый, полезный и удобный способ решения проблем. Не случайно, по данным тех же исследований, год от года увеличивается количество граждан, потенциально готовых к тому, чтобы решать возникающие проблемы за взятки. Например, по данным исследований по Хабаровскому краю, число вымогательств взятки только немногим меньше, чем количество её предложений.

Разумеется, считать любые неформальные контакты коррупционно нагруженными будет неверным. Существует большое количество и российских, и зарубежных исследований, в которых показывается принципиальная неустранимость личных отношений из сферы принятия служебных решений. С другой стороны, благосклонное отношение к неформальным отношениям в служебной сфере, их одобрение и поддержка позволяют скорректировать и явно коррупционные действия таким образом, чтобы внешне они выглядели именно как неформальные. Так, взятка, замаскированная под благодарность или ответную услугу, не только труднее квалифицируется как коррупционное деяние, но и с этической стороны выглядит вполне пристойно. Таким образом, популярность неформальных практик способствует коррупции также и потому, что создаёт ей идеальный камуфляж, который выступает страховкой как с правовой, так и с моральной точки зрения.

Это означает, что и на практике, и в теории понимание коррупции как взяточничества следует рассматривать неразрывно от понимания её как специфических неформальных отношений. Мы уже отмечали, что авторы, проводящие эмпирические исследования, именно так её и трактуют. Однако в работах теоретиков весь комплекс коррупционных явлений не находит своего отражения, что вызывает неточность и узость определений.

Такие замечания неоднократно высказывал российский исследователь коррупции – Г.А. Сатаров, предложивший в своей модели учесть эти недостатки и рассматривать всю совокупность действий системы «принципал-агент» [7]. Мы считаем, что эта модель достаточно адекватно показывает сущность коррупционного поведения госслужащих, но не совсем подходит для

анализа коррупции в специфических сферах, например в образовании. Кроме этого, мы уже упоминали, что далеко не все неформальные отношения имеют коррупционное содержание, и это также следует учитывать в моделировании коррупции. Таким образом, адекватное определение и релевантная модель должны, с одной стороны, показывать укоренённость коррупции в неформальных отношениях, а с другой стороны, отграничивать её от них, оставляя в этом пространстве свободную от коррупции территорию.

Мы предлагаем рассмотреть такое определение коррупции, которое связывало бы её с неформальными практиками и позволило бы учесть их сложное взаимодействие. Рассмотрим возможность такого определения на примере того, что следует считать коррупцией в сфере высшего образования.

Напомним, что разные направления деятельности высших учебных заведений построены на активизации разных видов ресурсов, поэтому обобщённая картина вузовской коррупции должна включать множество аспектов, соответствующих разным направлениям. Это и сфера предпринимательской деятельности, и культурно-бытовая сфера, и сфера трудовых отношений и т. д. Каждая из них имеет особенности, каждая может быть по-своему проинтерпретирована с точки зрения коррупционных и – более широко – неформальных и теневых отношений, и все они вместе оказывают взаимное влияние друг на друга. Тем не менее, ключевым направлением, задающим смысл деятельности учреждения в целом, следует считать образовательный процесс. Именно в этой сфере все виды возможных коррупционных отношений реализуют то, что составляет специфику теневой жизни образовательного учреждения и то, что отличает её от аналогичных отношений в области предпринимательства, производства, торговли и т. д.

Здесь мы будем опираться на сложившуюся в сфере исследований по неформальной экономике, традицию, согласно которой коррупционные практики понимаются как проявление теневых отношений, которые, в свою очередь, включены в более широкое пространство отношений неформальных [1, 4]. Такая соподчинённость терминов, с одной стороны, и особенности современного российского вуза – с другой, позволяют сформулировать следующий тезис. Под коррупцией в вузе, в самом широком смысле, следует понимать *продолжение неформальных отношений на рыночной основе, направленное на нарушение официальных правил работы заведения.* Смысловое ударение в этом определении приходится на выражение «рыночные отношения», которое предлагается в качестве критерия демаркации неформальных и коррупционных практик. Таким образом, те неформальные практики, в основу которых не закладываются отношения рыночного обмена, не считаются коррупционными.

Коррупция в вузе, как следует из всего предыдущего текста, вплетена в общую сеть неформальных контактов, которые осуществляются как на основе рыночных трансакций, так и без них, и поэтому должна рассматриваться только в общем контексте связей и отношений в неформальном пространстве вуза, вне которого она теряет смысл и глубину выражения. В отношении этого тезиса мы солидарны с мнением Г. Сатарова [7, с. 4], что изучение неформальных норм и

практик является главным фактором, определяющим успех как исследований в области коррупции, так и выработке практических мер по её регулированию.

И в заключение несколько пояснений к термину «пространство неформальных отношений». В действительности граница между официальными и неформальными отношениями, как мы уже упоминали, условна и размыта. В сложных переплетениях человеческих контактов зачастую невозможно жёстко установить степень их официальности, особенно с учётом постоянной динамичности. Коллега становится другом, начальник – любовником, или наоборот, лучший друг, получив повышение, превращается в строгого и принципиального руководителя. Тем не менее, по характеру доминирующей стратегии в отношениях будем *относить к неформальным максимально широкий круг контактов, складывающихся вне и помимо необходимого минимума, регламентируемого должностными инструкциями.* Очевидно, под интересующий нас круг явлений попадает только тот сегмент неформальных отношений, в котором личные и дружеские контакты вторгаются в сферу принятия служебных решений и существенно корректируют её. Очевидно, что повседневная жизнь вуза даёт массу примеров, подтверждающих популярность такого рода отношений, и их также можно трактовать как отношения рыночного обмена (хотя и этот вопрос уже длительное время продолжает оставаться дискуссионным).

По нашему мнению, обозначенные тезисы существенно корректируют проблемные границы исследований в области коррупции. Мы обращаем внимание на те аспекты, которые на уровне стереотипов редко ассоциируются с коррупцией, но, вместе с тем, составляют ту институциональную среду, которая поддерживает и воспроизводит «денежную» коррупцию. Задача социальных исследований на современном этапе, в первую очередь, состоит в том, чтобы обратить внимание на многообразие неформальных контактов, исследование которых не только даёт ключ к пониманию сущности коррупции, но позволяет по-новому ответить на вопросы о её популярности и возможности преодоления.

Литература и источники:

1. Барсукова, С. Ю. Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ / С. Ю. Барсукова. – М. : ГУ-ВШЭ, 2004.

2. Коррупция в системе образования : информационный бюллетень / ГУ-ВШЭ. – М., 2004.

3. Максимов, С. В. Коррупция. Закон. Ответственность / С. В. Максимов. – М. : Учебно-консультационный центр "ЮрИнфоР", 2000. – 143 с.

3. Неформальная экономика. Россия и мир ; под ред. Т. Шанина. – М. : Логос, 1999.

4. Общественное мнение о коррупции в Хабаровском крае : результаты социологического исследования (г. Хабаровск, сентябрь 2005 г.). — Дальневосточный консалтинговый центр совместно с Management Systems International, 2005. – www.rap-anticorruption.ru

5. Отчёт о состоянии коррупции в г. Ростове-на-Дону. Институт политических и медиаметрических исследований, 2007. – http://www.ipmi.ru

6. Сатаров, Г. А. Коррупция и переходная экономика / Г. А. Сатаров // Transition. Экономический вестник переходной экономики. – 2004. – № 2. –С. 1 – 4.

7. Танци, В. Осторожно: коррупция / В. Танци // Transition. Экономический вестник переходной экономики. – 2004. – № 2. – С. 4 – 5.

8. Шмаков, А. В. Коррупция в образовательных учреждениях / А. В. Шмаков // Вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. – 2007. –№ 4. – С. 45 – 50.

9. Эфендиев, А. Г. Московское студенчество в период реформирования российского общества / А. Г. Эфендиев, О. М. Дудина // Социологические исследования. – 1997. – № 9. – С. 41 – 56.

10.Hallack, J., Poisson, M. Corrupt schools, corrupt universities: What can be done? / J. Hallack, M. Poisson; International Institute for Education Planning. – Paris: IIEP-UNESCO, 2007.